

К. С. Ефимов

Удмуртский государственный университет

(Ижевск, Россия)

КРИТЕРИИ ФИНИТНОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Целью исследования является выявление особенностей реализации категории финитности у различных форм удмуртского глагола. Поднимается вопрос о финитности/инфинитности вербоидов удмуртского языка, обладающих посессивными аффиксами. Выделяются критерии финитности форм глагола, соответствующие специфике современного удмуртского языка.

Ключевые слова: Финно-угорские языки, удмуртский язык, глагол, вербоиды, время, финитность, инфинитность.

Термин «финитность» первоначально использовался в латинской грамматике для обозначения личных местоимений, позднее такой термин стал употребляться и по отношению к глаголам, выражающим лицо и число [Nikolaeva 2007: 1]. В современном удмуртском языке, помимо собственно финитных форм глагола, существует ещё некоторое количество вербоидов, основной особенностью которых является наличие посессивных аффиксов. Исходя из этого, необходимо разработать чёткие критерии финитности глагольной формы применительно к удмуртскому языку. В силу различных языковых особенностей, в удмуртском языке финитность реализуется несколько иначе, нежели в русском или других индоевропейских языках. Одной из особенностей финитности в целом является невозможность соотнесения «с каким-либо морфологическим или синтаксическим выражением» [Кадырова 2014: 102]. Иначе говоря, при сопоставлении разных языков, набор признаков,

определяющих финитность глагола не будет являться «постоянным и жёстко фиксированным» [Вейнгарт 2019: 57].

Если речь идёт о личных формах удмуртского глагола, выражающих категорию времени, то их финитность не вызывает сомнений. Сюда можно отнести формы презенса, футурума, претерита (две формы: на *-i* и на *-m*), а также аналитические формы, первым компонентом которых является одна из вышеперечисленных форм. К признакам, определяющим финитность данных форм удмуртского глагола можно отнести: выражение категории лица-числа с помощью лично-числовых аффиксов; субъект при глагольном предикате находится в именительном падеже, либо является составным подлежащим в виде словосочетания в изафете (с точки зрения формальной морфологии подлежащее будет в аккумулятиве, с точки зрения семантики – в номинативе посессивного склонения). Пример: *Макся тамаксэ аратйиз но берен кушитйиз – öз кыскиськы* ‘Макся поджёт табак и снова выбросил – не зажёгся’ (Лидия Нянькина. Макси (1996), НКУЯ). В данном примере мы видим несколько глагольных предикатов, обладающих морфологически выраженными показателями лица и числа. Субъект находится в именительном падеже.

Нош Петялэн ымыз уг усътйськы, гуньдэм кадъ сылэ ‘Но Петин рот не открывается, стоит словно подавившийся’ (Семён Самсонов. Яратйсько тонэ... (1965), НКУЯ). В данном примере субъект выражен именительным падежом притяжательного склонения. Глагольный предикат выражает категорию лица-числа.

Более трудный случай определения финитности составляют глагольные предикаты, выраженные формами прошедшего времени на *-m*, поскольку парадигма этой формы глагола является достаточно нестабильной, а также имеет омонимичные формы [Кельмаков 1998: 150–152]. Омонимия может быть снята при использовании факультативных аффиксов, выражающих лицо и число, однако, по нашим наблюдениям, претерит на *-m* чаще употребляется именно без факультативных аффиксов. Однако финитность данной формы обеспечивается за счёт «способности глагола оформлять клаузу, т.е. его способность выступать в

качестве предиката и иметь собственный субъект действия» [Вейнгарт 2019: 59]. Под этот же критерий также подходят и другие формы удмуртского глагола, о которых ранее шла речь. Пример: *Шӧдӱське, кузё ваньзэ дыртытэк, сюлмысь лэсьтэм* 'Чувствуется, хозяин всё неспеша, от сердца сделал, оказывается' (Пётр Чернов. Тулысысен сӱзьылозь (1989), НКУЯ). В данном примере мы видим, что форма глагола прошедшего времени на *-т* оформляет клаузу в составе придаточной части предложения и имеет собственный субъект действия, выраженный номинативом. Таким образом, можно говорить о финитности форм прошедшего времени глагола на *-т* в удмуртском языке.

Помимо финитных форм глагола в удмуртском языке существует богатая система различных вербоидов. В большинстве случаев нет никаких сомнений, что такие вербоиды не обладают финитностью, поскольку не имеют категории лица-числа. Однако, существует группа вербоидов на *-т*, основной особенностью которой является наличие посессивных аффиксов. При подобном рода предикатах субъект выступает в родительном падеже. Этот критерий отмечает также Е. Георгиева: «В финитных клаузах субъект находится в именительном падеже. Однако в инфинитных клаузах есть три варианта: номинатив, адессив или инструменталис» [Georgieva 2018: 41]. Также посессивные аффиксы могут присоединяться к деепричастиям на *-ку* и *-тозь*. Однако, по мнению Р. Бартенс они не являются обязательными [Bartens 2000: 252]. Тем не менее подобные формы, на наш взгляд, также нуждаются в рассмотрении.

В случае с *м*-овыми вербоидами, в удмуртской лингвистике высказывались точки зрения, что они могут выступать в составе «аналитических форм глагола» [Насибуллин 1984: 38–45; Winkler 2001: 47–48]. Как правило, *м*-овые вербоиды выступают в качестве составного предиката вместе с лексемами *потэ*, *луэ*, *вань*, *ӧвӧл* и др. [УКК 2011: 150]. Соответственно *м*-овые вербоиды не могут самостоятельно образовывать глагольную клаузу. Помимо этого, субъект действия при таких вербоидах, как правило, принимает форму адессива. Пример: *Та повестьёсыз, лыдӟисьлы чектыса, мынам вераме потэ: Пётр Чернов пичи*

повестьёсын но трос но мур вераны быгатііз ‘Эти повести, предлагая читателю, мне хочется сказать: Пётр Чернов в маленьких повестях много и долго говорить может’ (Алексей Ермолаев. Пётр Черновлэн повестьёсыз сярысь (1996), НКУЯ). В данном примере субъект находится в адессиве, а сам *м*-овый вербоид не имел бы смысла без вспомогательной лексемы *потэ*, вместе с которой он образует клаузу. Таким образом, невозможно говорить о самостоятельной финитности *м*-овых вербоидов.

Далее следует рассмотреть деепричастия на *-ку* и на *-тозь*. Само по себе деепричастие выражает добавочное действие в дополнение к основному. А это, по своей сути, уже подразумевает невозможность являться центром финитной клаузы. Однако, поскольку данные конвербы имеют посессивные аффиксы, мы видим своей задачей рассмотрение этих конвербов. Пример: *Бригадир, интыысьтыз султыкуз, нырысь ик пиез шоры учкиз кадь* ‘Бригадир, вставая со своего места, сперва как будто посмотрел на своего сына’ (Ульфат Бадретдинов. Їушъял вордйське веньёстэк (2007), НКУЯ). В данном примере мы видим, что конверб на *-ку* выражает добавочное действие к основному глаголу со значением одновременности действия. Притяжательный аффикс в данном случае может быть без потери смысла опущен. Однако, возможны контексты, в которых притяжательный аффикс всё-таки необходим. Пример: *Ферма пала матэктыкузы, Тимофейлэн пель съобраз кеськем куара кылйськиз кадь* ‘Когда они приближались в сторону фермы, за ухом у Тимофея словно послышался кричащий звук’ (Ульфат Бадретдинов. Дунне питрес, шуо (2007), НКУЯ). В данном примере конверб на *-ку* выражает добавочное действие, к основному глаголу со значением одновременности, однако, благодаря притяжательному аффиксу при конвербе, можно понять, что действующих лиц было несколько. Следовательно, существуют контексты, в которых притяжательный аффикс при конвербе на *-ку* не всегда можно опустить. Критерием инфинитности здесь будет выражение именно добавочного действия, что является свойством удмуртского деепричастия. На русский язык конструкции с такими конвербами обычно переводятся как придаточная часть основного предложения.

Деепричастия на *-тозь* точно так же могут присоединять к себе посессивные аффиксы. Такие деепричастия передают добавочное действие к основному глаголу, которое было завершено. Ещё одним значением этого деепричастия будет являться выражение несовершённых действий, которые следовало бы сделать, на русский язык такие выражения обычно переводятся конструкцией «вместо того, чтобы». На наш взгляд, посессивные аффиксы с такими деепричастиями употребляются реже, чем с деепричастиями на *-ку*. Пример: *Кубане вуйтозязы, Одотья кышкаса мынйз: ма, пе, каромы, кытчы пыромы, Зина ке өз пумита?* ‘До их возвращения на Кубань, Одотья боясь пошла: что, мол, сделаем, куда войдём, Зина если не встретила?’ (Лидия Нянькина. Пыраклы (1996), НКУЯ). В данном примере посессивный аффикс указывает на то, что речь идёт о нескольких субъектах. Если опустить посессивный аффикс, то смысл предложения будет изменён. Поскольку речь идёт о добавочном действии, невозможно говорить о финитности подобной конструкции, поскольку такой конверб не образует полноценной финитной клаузы. Также Е. Георгиева отмечает, что инфинитные клаузы имеют тенденцию сохранять порядок слов SOV, в то время как финитные клаузы наоборот стремятся к порядку слов SVO [Georgieva 2018: 43].

Таким образом, нами были рассмотрены основные случаи реализации финитности глагола в удмуртском языке, а также языковые явления внешне сходные с финитностью. Применительно к удмуртскому языку, мы можем выделить следующие критерии финитности глагольных форм:

- 1) выражение категории лица-числа с помощью лично-числовых аффиксов;
- 2) субъект при глагольном предикате находится в именительном падеже (в том числе в им.п. притяжательного склонения);
- 3) глагольная форма образует полноценную финитную клаузу.

Исходя из данных критериев, в современном удмуртском языке к финитным формам глагола относятся формы презенса, футурума, претерита (две формы: на

-i и на -m), а также аналитические формы, первым компонентом которых является одна из вышеперечисленных форм.

Литература и источники

Вейнгарт О. С. Финитность глагола и финитность клаузы: индоевропейская традиция и альтернативные подходы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2019. №4. С. 57–62.

Кадырова О. М. Критерии (не)финитности глагольных форм турецкого языка // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. №8 (130). С. 102–108.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртский университет, 1998. 386 с.

Насибуллин Р. Ш. О некоторых аналитических формах глагола в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: Сб. ст. / Научно-исследовательский ин-т при Совете Министров Удмуртской АССР. Ижевск, 1984. С. 38–45.

НКУЯ – Национальный корпус удмуртского языка [Электронный ресурс] // Udmcorpus.udman.ru: информ.-справочная система. УдмФИЦ УрО РАН, 2019. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/body> (дата обращения: 06.06.2024).

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкутйсь ред. Н. Н. Тимерханова. Ижкар: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 408 б.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2000. 372 s.

Georgieva E. Non-finite adverbial clauses in Udmurt: PhD dissertation. Szeged, 2018. 204 p.

Nikolaeva I. Introduction // Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations. Oxford, 2007. P. 1–19.

Winkler E. Udmurt. In: Languages of the World: Materials 212. München, Lincom Europa, 2001. 85 p.

K. S. Efimov

Udmurt State University

(Izhevsk, Russia)

CRITERIA FOR THE FINITENESS OF VERBAL FORMS IN THE UDMURT LANGUAGE

The purpose of the research is to identify the features of the implementation of the category of finiteness in various forms of the Udmurt verb. The question is raised about the finite or infinite nature of verboids in the Udmurt language that have possessive affixes. Criteria for the finiteness of verb forms corresponding to the specifics of the modern Udmurt language are highlighted.

Keywords: Finno-Ugric languages, Udmurt language, verb, verboids, tense, finiteness, infiniteness.